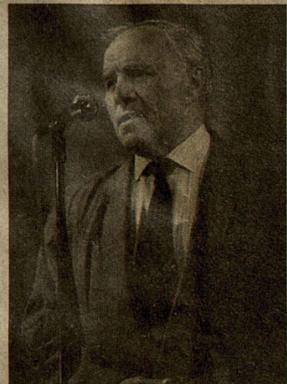

Михаил Ульянов: *Культура. - 1994. - 22 окт. - с. 1.*

МЫ — КАК ДЕТИ, КОТОРЫХ СЕКУТ НЕИЗВЕСТНО ЗА ЧТО

Наконец-то, театральная осень полностью вступила в свои права. Один за другим распахнули двери театры, большие и малые, академические и новорожденные, традиционные и авангардные. Начало нового сезона — это время надежд и прогнозов, вопросов и проблем. Что ждет нас, зрителей, и что волнует их, мастеров российского театра! Поразмышлять об этом мы попросили Михаила Ульянова. И не случайно. Кому, как ни ему — художественному руководителю Театра имени Евг. Вахтангова, председателю Союза театральных деятелей России и удивительному актеру, знать эти проблемы не понаслышке, а изнутри!

СНАЧАЛА о своем. Театр имени Вахтангова долгое время был театром республиканского значения и потому привилегированным. А сегодня все изменилось. Есть театры президентские, так называемое «национальное достояние» — МХАТ, Малый... И есть городские — имени Моссовета, Ленком. Сатира, Маяковска, которые оказались под эгидой Ю. М. Лужкова. А он человек широкий, щедрый, всячески им помогает — дает квартиры, обещания, деньги на оборудование. А мы, Вахтанговский театр, мы — никто. Что называется, ни к красным, ни к белым не пристали. А поскольку у Министерства культуры сейчас полный швах, то вместе с ним и мы в таком же положении. Идем в министерство и говорим: «Нам тоже нужно менять оборудование, аппаратуру. Все уже устарело». И в ответ слышим: «А у нас денег нет». Вот в каком положении оказался

сейчас один из знаменитейших российских театров. Могут спросить — как же так случилось, что знаменитый Вахтанговский театр не попал в обиход «национального достояния»? Но откуда я знаю, кто эти титулы раздает? У нас сейчас начальства больше, чем работающих. Было много, а стало еще больше. Куда ни пойдешь — везде целые кабинеты, целые дома, бесконечное количество всяких комитетов, департаментов и т. д. Вот еще хорошо бы нам ввести виллундирь — мы бы тогда абсолютно стали похожи на николаевскую Россию, как мы ее описывали в советское время. Так нам тогда и не снилось такое, что творится сегодня. Мы сейчас живем на этой земле — Арбат, 24 и 26. Рядом с нами разрушенный дом. Но для того чтобы пригласить инвесторов, нужно владеть этой землей. А получить титул под названием «полное хозяйствование», мы никак не можем.

И выходит полная белиберда. Инвестор отказывается строить, раз мы не аладельцы. И правильно делает: он построит, а потом отберут. Но мы же эту землю в чемоданы не загрузим и в Нидерланды с ней не убежим! Не один год продолжалось наше безумное «хождение за землей» по бесконечным кабинетам Москомимущества, где от нас отписывались. У министерства денег на это нет, у государства тоже нет. Так кончилось все тем, что мафия около нас построит свои притоны, и все будет нормально и законно. А мы будем зажаты уже полностью между строительством всяких учреждений увеселительного полярка и Арбатом, который превратился в криминальную улицу. Ну, слава Богу, сегодня что-то сдвинулось. Москомимущество, кажется, уже готово нам решить эту сложную задачку. Но ведь еще не вечер...

(Окончание на 4-й стр.)

Так вот, я прибавить ему, этому артисту, не могу, а жизнь дорожает. И он, естественно, приходит ко мне и говорит: «Михаил Александрович, мне предлагают играть у Ивановы — Петрова — Карлова. Мне роль дают — Хлестакова, дядю Ваню. Отпустите!» Могу я его не отпустить? Не могу. По той простой причине, что он дол-

жен зарабатывать, должен семью кормить. Да и творчески ему интересно. Значит, я его отпускаю. А здесь уже начинаю выкручиваться, приспосабливаться к тому, что у меня пять-десять лучших актеров где-то работают. То есть идет рынок. Нормальный рынок. Но он трясет в жуткой лихорадке наш стационарный театр. Идут треск, ломка, разрушение привычного стационарного и потому прекрасного театра. Ибо эта стационарность давала возмож-

ность не уронить традиции, поддерживать особую творческую атмосферу в коллективе, воспитывать актеров, растить их. Так что если мы потеряем такие театры, то мы потеряем российский театр. Потому что околтелая коммерция, где важно выбить деньги любыми способами и разбегаться, — это свальный грех.

КОНЕЧНО, при тех труппах, которые существуют в наших коллективах, напоить всех достойными ролями нельзя. Это нереально. Нас слишком много. Но вот ведь какой парадокс. Раньше имя актера, его слава, известность, популярность были нужны не только ему лично, но и театру. И именно на актеров ходили к нам — на Николая Гриценко, Михаила Астангова, Григория Абрикосова, Николая Плотникова. Это были крупные артисты, которые зарабатывали себе не деньги, а имена. И их слава привлекала зрителей в театр.

Сейчас же того, кто зарабатывает себе имя, тут же утаскивают на сторону. На нем тоже хотят заработать. Что же нормально. Николсону же платят за какого-нибудь вурдалака гигантские деньги, хотя он и халтурит на этих упырях. И

КУЛЬТУРА

В КОНТЕКСТЕ НЫНЕШНЕГО ДНЯ

ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР

МЫ ВСЕ сейчас находимся в полуподвешенном состоянии. Долгие годы процветала система стационарного государственного театра. Никаких частных, коммерческих, семейных и прочих антреприз не существовало и не могло существовать. Советская власть довела количество театров в Москве до 30—35. Сейчас же их — 300 с лишним. О чем это говорит? Это говорит о силе нашей творческой интеллигенции, которая ищет свои пути. Иногда путается, фанфаронит, показушничает. И в то же время появляются действительно талантливые коллективы, которые выживают за счет того, что они свободны.

Было «золотое время», когда давали тебе 120 рубликов, в другой театр пойти было невымыслимо, никто тебя туда не приглашал и не имел права пригласить. И все жили на своих местах, никто нигде не бегал. Поэтому, когда Р. Н. Симонов хотел ставить тот или иной спектакль, все актеры были у него налицо.

Что сегодня делает коммерческий театр? Взять, например, Л. Трушкина. Ведь у него театра как такового не существует. Существует Трушкин, который вокруг себя организует на тот или иной спектакль тех или иных актеров. А где он их берет? Он их берет в театрах стационарных. А кого он берет? Он берет только лучших. И понять его можно. Но этот лучший актер работает у нас в Вахтанговском театре или в БДТ, или в Александринке. И, скажем, я его тоже думаю занять. Но занять-то я его займу, а зарплату ему за счет этого не повышу. Потому что наша система подачек и пайков, которая была во времена оные, она и осталась. Существует сетка, в которой есть восемнадцатая линия, выше которой уже никому не дано прыгнуть. Мы же «в сетке» живем все, как рыбы.

А если говорить серьезно, то, конечно, мы сейчас не знаем, как решить эту проблему бескровно. Вероятно, без крови это и невозможно. Но ни у кого — ни у Кирилла Лаврова, ни у Олега Ефремова, ни у Юрия Соломина, ни у меня никогда не поднимется рука перешерстить коллектив. И поэтому все тланут: не сегодня, не завтра... Еще потянем.

Не знаю, что делать, но могу сказать только одно: сколько хватит моих сил, буду сохранять это некое равновесие между старшим поколени-

ем и молодежью. Нужно ориентировать театр на молодежь и творчески поддерживать стариков.

Михаил Ульянов:

МЫ — КАК ДЕТИ, КОТОРЫХ СЕКУТ НЕИЗВЕСТНО ЗА ЧТО

Так многие театры делают. Разные варианты существуют. Но, в общем, все пенсионеров стараются поддержать — договорами, контрактами и т. д. Конечно, есть более простой выход. Пенсионеров — на пенсию без всякой дотации со стороны театра. Всех, кто не нужен, сокращаем. И оставляем труппу в 30—40 человек. А среди тех, кого мы выгоним, что ни человек, то народный или заслуженный артист. Что ни человек, то личность, прожившая в этом театре 40 лет. И что? Это я своему товарищу скажу: «Иди побирайся!». Он для меня не случайный человек. Я не тот, кто приглашает любого на один спектакль.

А если говорить серьезно, то, конечно, мы сейчас не знаем, как решить эту проблему бескровно. Вероятно, без крови это и невозможно. Но ни у кого — ни у Кирилла Лаврова, ни у Олега Ефремова, ни у Юрия Соломина, ни у меня никогда не поднимется рука перешерстить коллектив. И поэтому все тланут: не сегодня, не завтра... Еще потянем.

Те труппы, которые создавались годами, превратились в огромный, неповоротливый древоу. У нас масса пенсионеров, которые уже почти ничего не играют. Мы их не выгоняем из театра, не сокращаем по той простой причине, что пенсия ничтожна по сравнению с ценами. Это не пенсия, а милостыня. И если человек, народный артист, уйдет на эту пенсию, он будет перебиваться с хлеба на квас. Что делает театр? Он платит им зарплату и пенсию.

Михаил Ульянов:

Заставить актеров сегодня работать необыкновенно сложно. Если они где-то у Р. Виктюка плещут и на пупе крутятся, то в родном театре — как сонные мухи. Потому что там им платят, а у нас — «сетка». Понятия же совести, достоинства остались только у стариков. Хотя я вовсе не говорю о молодежи, как о бросовом материале. Наоборот. Молодежь у нас хорошая. Я считаю, что в Театре имени Вахтангова десятка полтора просто первоклассных, с огромной потенциальной молодой актеров. Конечно, у кого-то голова кружится начинает и появляется ощущение, что он пуп земли. Все это есть. Но они талантливые ребята. И на них, в общем-то, только и можно строить театр. Без них мы погибнем. Ведь стареет театр — даешь актеру роль, а он в больнице... Начинает наше поколение болеть, устывать. А беда заключается в том, что эта профессия требует здоровья, сил, слава привлекала зрителей в театр.

Сейчас же того, кто зарабатывает себе имя, тут же утаскивают на сторону. На нем тоже хотят заработать. Что же нормально. Николсону же платят за какого-нибудь вурдалака гигантские деньги, хотя он и халтурит на этих упырях. И

работать необыкновенно сложно. Если они где-то у Р. Виктюка плещут и на пупе крутятся, то в родном театре — как сонные мухи. Потому что там им платят, а у нас — «сетка». Понятия же совести, достоинства остались только у стариков. Хотя я вовсе не говорю о молодежи, как о бросовом материале. Наоборот. Молодежь у нас хорошая. Я считаю, что в Театре имени Вахтангова десятка полтора просто первоклассных, с огромной потенциальной молодой актеров. Конечно, у кого-то голова кружится начинает и появляется ощущение, что он пуп земли. Все это есть. Но они талантливые ребята. И на них, в общем-то, только и можно строить театр. Без них мы погибнем. Ведь стареет театр — даешь актеру роль, а он в больнице... Начинает наше поколение болеть, устывать. А беда заключается в том, что эта профессия требует здоровья, сил, слава привлекала зрителей в театр.

Михаил Ульянов:

Заставить актеров сегодня работать необыкновенно сложно. Если они где-то у Р. Виктюка плещут и на пупе крутятся, то в родном театре — как сонные мухи. Потому что там им платят, а у нас — «сетка». Понятия же совести, достоинства остались только у стариков. Хотя я вовсе не говорю о молодежи, как о бросовом материале. Наоборот. Молодежь у нас хорошая. Я считаю, что в Театре имени Вахтангова десятка полтора просто первоклассных, с огромной потенциальной молодой актеров. Конечно, у кого-то голова кружится начинает и появляется ощущение, что он пуп земли. Все это есть. Но они талантливые ребята. И на них, в общем-то, только и можно строить театр. Без них мы погибнем. Ведь стареет театр — даешь актеру роль, а он в больнице... Начинает наше поколение болеть, устывать. А беда заключается в том, что эта профессия требует здоровья, сил, слава привлекала зрителей в театр.

Так многие театры делают. Разные варианты существуют. Но, в общем, все пенсионеров стараются поддержать — договорами, контрактами и т. д. Конечно, есть более простой выход. Пенсионеров — на пенсию без всякой дотации со стороны театра. Всех, кто не нужен, сокращаем. И оставляем труппу в 30—40 человек. А среди тех, кого мы выгоним, что ни человек, то народный или заслуженный артист. Что ни человек, то личность, прожившая в этом театре 40 лет. И что? Это я своему товарищу скажу: «Иди побирайся!». Он для меня не случайный человек. Я не тот, кто приглашает любого на один спектакль.

Михаил Ульянов:

Заставить актеров сегодня работать необыкновенно сложно. Если они где-то у Р. Виктюка плещут и на пупе крутятся, то в родном театре — как сонные мухи. Потому что там им платят, а у нас — «сетка». Понятия же совести, достоинства остались только у стариков. Хотя я вовсе не говорю о молодежи, как о бросовом материале. Наоборот. Молодежь у нас хорошая. Я считаю, что в Театре имени Вахтангова десятка полтора просто первоклассных, с огромной потенциальной молодой актеров. Конечно, у кого-то голова кружится начинает и появляется ощущение, что он пуп земли. Все это есть. Но они талантливые ребята. И на них, в общем-то, только и можно строить театр. Без них мы погибнем. Ведь стареет театр — даешь актеру роль, а он в больнице... Начинает наше поколение болеть, устывать. А беда заключается в том, что эта профессия требует здоровья, сил, слава привлекала зрителей в театр.

и не снимаюсь. Хотя планы у театра большие. Только что Р. Виктюк выпустил спектакль «Я тебя больше не знаю, милый...» А. Бенедетти. А. Кац начинает репетировать «Варваров» М. Горького. Есть договоренность с Р. Стурза на постановку классического спектакля. Я занят только в одном из них — репетирую Цыганова в «Варварах». Но пока что никак не могу сосредоточиться. Я ведь человек разорванный — между СТД и театром, между жизнью и всем остальным. Но тем не менее пробую. А в СТД тоже немало проблем.

Михаил Ульянов:

С ОЮЗ театральные деятели — единственный творческий союз, который выдвигал в этой перетряске. Союзы писателей, кинематографистов — те вообще развалились, потому что начали делиться. И это их погубило. Не потому, что там плохие люди или не очень умные. Просто, как в семнадцатом году, «разгулялась волюшка расейская». И растащили все. Нам удалось не делиться, не отпочковываться. Были, правда, попытки, когда хотели организовать Московский СТД. А это значит, пришлось бы делить одеяло на двоих, рвать с двух концов, и от союза остались

бы клочья. Но нам удалось это дело остановить, и, в общем, СТД удержался. Удержался он организационно, удержался и экономически. Тоже были, конечно, всякие перипетии, но тем не менее мы сейчас живем, не погибаем. Мало того, мы даже за эти годы выстроили прекрасную поликлинику, строим дом ветеранов сцены в Твери. Пенсионный, инвестиционный фонды создали. В этом году в наших домах творчества отдохнули по сниженным ценам около пяти тысяч человек. Мы берем на себя миллиардные расходы. И, слава Богу, актерам пока есть куда преклонить голову. Это такой спасательный круг в большую беду.

Михаил Ульянов:

Короче говоря, союз существует. Но он существует вопреки отношению к искусству. И парадокс временной заключается в том, что при Николае Александровиче Романове и Иосифе Виссарионовиче Сталине актеров не обдирали, как липку, налогами. А при свободных демократах нас раздвигают. Мы сейчас отчаянно отбиваемся от бесконечного количества прожектов, которые нас просто разорят. Беда в том, что деятели, которые сидят на Олимпе и мудрят, как выведи страну из прорухи, в то же время губят культуру, как только могут. Например, СТД обладает солидной долей имущества, накопленного за сто с лишком лет существования этой организации, — фабрики по производству грима, косметики, театральные принадлежности. Но это же не Уралмаш, не Челябинский тракторный завод. А нас сравнивают с Уралмашем. И как с того дерут так, что он остановился, так и с нас. А мы скоро лопнем. Буквально на днях мне показали очередные прожекты Министерства финансов, которые нас просто уничтожат. С нас будут драть налоги на производство, на прибыль, даже на благотворительность. Мы, как дети, которых секут все время, неизвестно за что. Сейчас мы опять начали отчаянную борьбу. Созвали Координационный совет, написали письмо. Побежим к начальству, опять будем умолять на коленях: не грабьте! И ведь что смешно-то: у нас ничтожное количество денег по сравнению с этими триллионами, которые вкладываются бог весть куда.

Мы обращаемся к Президенту. Президент издает Указ очень добродетельный, помагающий нам. Но прошло уже два года — ничего решить невозможно. Притом весь парадокс заключается в том, что Президент — за, премьер — за, заместители — все за! А низы видали всех в белых тапочках! Вот такая ситуация.

Михаил Ульянов:

И наш союз выдержит только в том случае, если наконец кто-то большой скажет: «Ша, ребята! Хватит! Не грабьте культуру. Не сравнивайте ее с коксодоубывающей промышленностью. Это — штучный товар». Да не разорим мы никого. Нынешнему составу Театрального союза осталось работать еще два года. И сейчас по поводу новых выборов начинают писать всякую дрянь. Вот я недавно в газете «Сегодня» прочел: будут драться за власть. Да берите вы эту власть! Кому она нужна? Я не сплю, не ем, домой прихожу ночью. Думают, что это такой легкой хлеб... Мы в СВОИХ прогнозах на сто бываем неумны. Однажды уже ошиблись, говорили, что с перестройкой все театры погибнут. Наоборот, их возникло великое множество. Мы не предсказывали, что свобода даст возможность такого всплеска энергии. Теперь эту энергию надо бы в духовность превратить. Души в нашем театре мало, тепла, человечности, сердечности. Сегодня все хотят либо испугать, либо прижать, но никогда не помогают. И поэтому я думаю, что успех нашего спектакля «Без вины виноватые» еще и в том, что там действительно есть тепло, интеллигентность. Там есть то, чего нам сегодня чудовищно не хватает. Сейчас периферийные театры живут интереснее московских. Они сосредоточеннее живут. Они спокойнее, несуетливы. И актеры все, что накопили, увидели и услышано, тащат домой, в театр. А московские театры — как та дама, которая все время выбирается, рюшечки свои подергивает, всех хочет поразить своим видом. Да не надо никого поражать, мы и не такое видали. И вот, когда уйдут эта суета, эта хлопотливость, тогда и придет настоящее искусство, придет человечность.